

ДЭВИД БЛУР

Сильная программа в социологии знания¹

Может ли социология знания изучать и объяснять само содержание и сущность научного знания? Многие социологи полагают, что нет. Они говорят, что знание как таковое, в отличие от сопутствующих условий его производства, находится вне пределов их досягаемости. Они произвольно ограничивают область собственных исследований. Я буду доказывать, что это является изменой дисциплинарной точке зрения. Любое знание, будь то в эмпирических науках или даже математике, должно рассматриваться как материал для исследования без каких-либо ограничений. Ограничения, которые все же существуют для социолога, заключаются в передаче полномочий на материал смежным наукам, таким как психология, или в зависимости от исследований, проводимых специалистами других дисциплин. Не существует ограничений, которые коренились бы в абсолютном или трансцендентном характере самого научного знания или специфической природе рациональности, обоснования, истины или объективности.

Можно было бы ожидать, что естественной тенденцией такой дисциплины, как социология знания, были бы саморасширение и самогенерализация: движение от изучения примитивных космологий к таковым в нашей собственной культуре. Но это как раз тот шаг, который социологи делали с большой неохотой. Опять же, социология знания могла бы оказывать более сильное давление на область, в настоящее время оккупированную философами, которым было позволено взять на себя задачу по определению природы знания. В действительности, социологи только и делали, что чересчур рьяно ограничивали свой подход к науке ее институциональной структурой и внешними факторами, связанными с направ-

¹ Публикуемый текст составляет первую главу основной методологической работы Дэвида Блора «Знание и социальные представления» (Bloor, David. Knowledge and Social Imagery. 2 ed. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1991. P. 3-23).

лением или уровнем ее развития. Это оставляет незатронутым сущность таким образом произведенного знания (Ben-David (1971), DeGré (1967), Merton (1964), Stark (1958)).

В чем причина этой нерешительности и пессимизма? Не в тех ли многочисленных интеллектуальных и практических трудностях, которые непременно сопутствовали бы данной программе? Безусловно, их нельзя недооценивать. О степени их распространенности можно судить по тем усилиям, который были затрачены на достижение более ограниченных целей. Но это не тот аргумент, который в действительности выдвигается. Неужели социолог испытывает затруднения из-за отсутствия теорий и методов, с которыми можно подступиться к научному знанию? Конечно, нет. Его собственная дисциплина обеспечивает его образцовыми исследованиями знания других культур, которые могли бы быть использованы в качестве моделей и источников вдохновения. Классический труд Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» показывает, каким образом социолог может проникнуть в самую глубину той или иной формы знания. Более того, Дюркгейм сделал множество намеков на то, каким образом его открытия могли бы соотноситься с изучением научного знания. Эти намеки не были услышаны.

Причина нерешительности в вопросе включения науки в пределы идущего до конца социологического исследования заключается в отсутствии воли и мужества. Считается, что это заранее обреченное предприятие. Конечно, недостаток мужества имеет более глубокие корни, чем предполагается данной чисто психологической характеристикой. И в дальнейшем это станет предметом исследования. Какова бы ни была причина данного заболевания, его симптомы принимают форму априорной и философской аргументации, посредством которой социологи выражают убежденность в том, что наука – это особый случай, и что они увязли бы в противоречиях и нелепостях, игнорируя этот факт. Естественно, философы активно поддерживают такой акт самоотречения (Lakatos (1971), Popper (1966)).

Целью данной книги будет борьба с указанными аргументами и запретами. По этой причине дальнейшие рассуждения временами (но не всегда) будут носить скорее методологический, чем предметно-содержательный характер. Но будем надеяться, что они дадут положительный эффект в содержательном смысле. Задача в том, чтобы вооружить заинтересованных в конструктивной работе инструментами, которые позволили бы им противостоять критикам, скептикам и сомневающимся.

В первую очередь я подвергну разбору то, что я называю сильной программой в социологии знания. Это обеспечит рамку, в пределах которой будут затем рассмотрены конкретные возражения. В связи с тем, что априорные аргументы всегда коренятся в неявных допущениях и позициях, их также необходимо будет выявить и подвергнуть отдельной проверке.

Это будет второй главной темой, и именно здесь начнется формулирование содержательных основополагающих гипотез, относящихся к нашей концепции социологии знания. Третья главная тема будет касаться, возможно, самого трудного препятствия на пути социологии знания, а именно логики и математики. Выяснится, что проблемы относящихся к ним принципов в действительности не являются исключительно техническими. Я покажу, как данные предметы могут быть изучены социологически.

Сильная программа

Социолог имеет дело со знанием, включая научное знание, только как с естественным феноменом. Поэтому его определение знания будет в значительной степени отличаться от определений, даваемых дилетантом или философом. Вместо определения знания как истинного мнения, социолог рассматривает в качестве знания все то, что человек за него принимает. Оно состоит из тех представлений, которыми человек живет и которых он с уверенностью придерживается. В особенности социолога интересуют представления, принятые как сами собой разумеющиеся, или институализированные представления, или представления, облеченные авторитетом тех или иных социальных групп. Конечно, мы должны отличать знание от всего лишь мнения. Это может быть сделано путем резервирования слова «знание» за тем, что социально санкционировано, оставляя для просто «мнения» все индивидуальное и идиосинкразическое.

Человеческие идеи относительно того, как устроен мир, значительно варьировались. Это относится как к науке, так и к другим областям культуры. Подобные вариативные формы образуют исходный пункт социологии знания и составляют ее главную проблему. Социология знания фокусируется на распространении представлений и различных факторах, на него влияющих. Например: каким образом передается знание; насколько оно устойчиво; какие процессы принимают участие в его производстве и сохранении; каким образом оно организовано и распределено по различным дисциплинарным и предметным категориям?

Для социолога эти вопросы требуют изучения и объяснения, и он будет стараться сообразовывать свое описание знания с указанной перспективой. Поэтому его понятия будут встроены в тот же каузальный схематизм, что и у любого другого ученого. Его задача – определить регулярности и общие принципы или процессы, которые предположительно действуют в области его данных. Его цель будет состоять в построении объясняющих данные регулярности теорий. Чтобы эти теории удовлетворяли требованию максимальной общности, они должны быть применимы как к истинным, так и ложным представлениям, и, в той мере, в какой это возможно, в обоих случаях должен применяться один и тот же тип объяснения. Задача физиологии – объяснить организм, как в состоя-

нии здоровья, так и в состоянии болезни; задача механики – понять как работающий механизм, так и неисправный, стоящий мост точно так же, как и рухнувший. Подобным же образом социолог ищет теории, которые объясняют фактически преднаходимые представления, безотносительно к тому, каким образом их оценивает сам исследователь.

Иллюстрацией к указанному подходу могут служить некоторые типичные проблемы в данной области, которые уже привели к интересным открытиям. Во-первых, были проведены исследования связей между крупномасштабной структурой социальных групп и общей формой их космологий. Антропологами были найдены социальные корреляты и возможные причины антропоморфных и магических воззрений на мир, в отличие от воззрений деперсонифицированных и естественнонаучных (Douglas (1966; 1970)). Во-вторых, были проведены исследования, которые прослеживали отношения между экономическим, техническим и индустриальным развитием и содержанием научных теорий. Например, детально было изучено влияние практического развития технологий использования водных потоков на содержание теорий термодинамики. Причинная связь здесь не вызывает сомнений (Kuhn (1959), Cardwell (1971)). В-третьих, имеется большое количество свидетельств, говорящих, что черты культуры, которые обычно рассматриваются как ненаучные, в значительной степени влияют на производство и оценку научных теорий и открытий. Было показано, что евгенические подходы лежат в основании и объясняют создание Фрэнсисом Гэлтоном понятия о коэффициенте корреляции в статистике. Опять же общая политическая, социальная и идеологическая позиция генетика Бейтсона была использована для объяснения его скептицизма в дискуссии о генной теории наследственности (Coleman (1970), Cowan (1972), Mackenzie (1981)). В-четвертых, все большее подтверждение получает значимость процессов обучения и социализации, сопутствующих науке. Паттерны континуальности и дискретности, восприятия и отклонения предстают как поддающиеся объяснению путем апелляции к этим процессам. Интересным примером того, каким образом предпосылочный фон требований научной дисциплины влияет на оценку конкретной концепции, является критика лордом Кельвином теории эволюции. Кельвин рассчитал возраст Солнца, рассматривая его в качестве раскаленного тела, которое охлаждается. Он пришел к заключению, что оно выгорело бы к тому времени, когда эволюция смогла бы достигнуть состояния, наблюдаемого в настоящее время. Мир не достаточно стар, чтобы позволить эволюции двигаться ее курсом. Таким образом, теория эволюции неверна. Допущение геологического униформизма с предполагаемой перспективой обширных временных отрезков было грубо вырвано из под ног биологов. Аргументы Кельвина вызвали замешательство. Они имели огромный вес и в 1860-х были неоспоримы: они со всей строгостью вытекали из убедительных физических посылок. В са-

мом конце столетия геологи набрались храбрости сказать Кельвину, что он, вероятнее всего, допустил ошибку. Эта вновь обретенная храбрость не имела в качестве своей причины какое-то новое впечатляющее открытие: за это время не произошло реальных изменений в области имевшихся в распоряжении свидетельств. То, что произошло в этот промежуток времени, было общей консолидацией геологии как дисциплины с возрастающим количеством детальных наблюдений за окаменелостями. Именно этот рост вызвал изменение в оценках вероятного и правдоподобного: Кельвин, скорее всего, просто не включил в анализ некоторый существенный, но неизвестный фактор. Только с открытием ядерных источников энергии Солнца физические аргументы можно было бы опровергнуть. Геологи и биологи не имели об этом предвосхищающего знания, они просто не стали ждать ответа (Rudwick (1972) Burchfield (1975)). Этот пример служит для обозначения еще одного вопроса. Речь идет о социальных процессах, внутренне присущих науке, тем самым не имеет смысла ограничивать социологическое исследование действием внешних влияний.

Наконец, необходимо отметить прекрасное и в то же время вызывающее споры исследование физиков Веймарской Германии. Форман (Forman (1971)) использует их академические выступления, чтобы показать, что они следовали доминирующей антинаучной «философии жизни», которая господствовала вокруг. Он утверждает, «что движение за то, чтобы обходиться в физике без причинности, возникшее столь неожиданно и буйно расцветшее в Германии после 1918 года, первоначально было попыткой немецких физиков адаптировать содержание своей науки к ценностям их интеллектуального окружения». Смелость и значимость данного утверждения вытекает из центрального положения акаузальности в современной квантовой теории.

Подходы, набросок которых только что был сделан, предполагают, что социология научного знания должна придерживаться следующих четырех принципов. Тем самым социология знания будет реализовывать те же ценности, которые предполагаются и другими научными дисциплинами. Эти принципы таковы:

1. Социология знания должна быть каузальной, т. е. иметь в качестве своего предмета условия, вызывающие те или иные представления и состояния знания. Естественно, будут иметь место и другие, отличные от социальных, типы причин, которые соучаствуют в производстве представлений.
2. Социология знания должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов. Обе стороны данных дихотомий будут требовать объяснения.
3. Форма ее объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные и ложные представления.
4. Социология знания должна быть рефлексивной. В принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии. По-

добно требованию симметрии данный принцип является ответом на необходимость поиска общих объяснений. Это очевидное требование, так как в противном случае социология являла бы собой опровержение собственных теорий.

Данные четыре принципа – каузальность, беспристрастность, симметрия и рефлексивность – определяют то, что будет названо сильной программой в социологии знания. Они отнюдь не новы и представляют амальгаму более оптимистичных и сциентистских элементов, которые могут быть найдены у Дюркгейма, Мангейма, Знанецкого (Durkheim (1938), Mannheim (1936), Znaniecki (1965)).

В ходе нижеследующего изложения я постараюсь защитить от критики и превратного толкования жизнестойкость данных принципов. Ставкой здесь является сама возможность реализации сильной программы в последовательной и убедительной форме. Поэтому давайте обратимся к главным возражениям, адресуемым социологии знания, для того, чтобы показать полное значение указанных принципов и посмотреть, каким образом социология знания может выстоять под натиском критики.

Автономия знания

Значительная часть возражений, выдвигаемых в адрес социологии знания, вытекает из убеждения, что некоторые представления или не нуждаются ни в каком объяснении, или не требуют каузального объяснения. Это убеждение особенно сильно тогда, когда речь идет о представлениях, принимаемых в качестве истинных, рациональных, научных и объективных.

Когда поведение людей рационально или логично, есть соблазн утверждать, что их действия направляются требованиями разумности или логики. Может показаться, что объяснение того, почему человек делает определенное заключение из некоторого множества посылок, заключается в логических принципах умозаключения как таковых. Как представляется, логика конституирует множество связей между посылками и заключениями, и человеческое мышление может установить это множество связей. Пока человек остается рациональным существом, логические отношения, казалось бы, обеспечивают наилучшее объяснение имеющихся у него представлений, аналогично поезду, идущему по рельсам: рельсы сами укажут направление его движения. Это подобно тому, как если бы человек был способен трансцендировать бесцельную энергию и напряжение каузальности, тем самым взнуздать ее, подчинить ее совершенно другим принципам и позволить последним направлять свои мысли. Если дело обстоит таким образом, то не социолог и психолог, а логик будет тем, кто предоставит наиболее важную часть объяснения.

Конечно, когда человек делает ошибки в своих умозаключениях, логика как таковая здесь ничего не объясняет. Ошибка или отклонение от

принципов могут вызываться вмешательством целого ряда разнообразных факторов. Возможно, рассуждение является слишком трудным для ограниченного интеллекта того, кто рассуждает, возможно, он невнимателен или чересчур эмоционально относится к предмету обсуждения. Когда поезд сходит с рельсов, причина происшествия, конечно, может быть найдена. Однако мы не имеем полномочий и не нуждаемся в них для выяснения причин того, почему аварии не происходят.

Подобные аргументы стали общим местом в современной аналитической философии. Так, в «Понятии сознания» Райл говорит: «Пусть психолог скажет нам, почему мы обманываемся; однако мы можем сказать самим себе и ему, почему мы не обманываемся» (Ryle (1949), p. 308²). Этот подход может быть суммирован следующим утверждением: ничто не заставляет людей делать что-то правильно, но, конечно же, есть нечто, что заставляет их ошибаться (Hamlyn (1969), Peters (1958)).

Общая структура этих объяснений предстает со всей отчетливостью. Все они разделяют поведение или представления на два типа: правильное и ошибочное, истинное или ложное, рациональное или иррациональное. Затем они привлекают причины для объяснения негативного элемента данных делений. Причины объясняют ошибки, ограничения и отклонения, от которых полностью отличен позитивный элемент. Здесь логика, рациональность и истина предстают как объясняющие сами себя – нет необходимости в привлечении причин.

Применительно к полю интеллектуальной деятельности, указанные взгляды имеют своим следствием превращение корпуса знания в некоторую автономную область. Поведение должно объясняться путем апелляции к процедурам, результатам, методам и максимам самой деятельности. Тем самым конвенциональная и успешная интеллектуальная деятельность выглядит самообъяснимой и самодвижущейся. Она становится своим собственным объяснением. Нет необходимости в социологической или психологической экспертизе, единственно возможные экспертные оценки заключены в самой интеллектуальной деятельности.

Модную в настоящее время версию данной позиции можно найти в теории Лакатоса о том, как писать историю науки. Эта теория явно предполагала следствия и для социологии знания. Первое, что необходимо сделать, говорит Лакатос, – это выбрать философию или методологию науки, объясняющую, чем должна быть наука и какие действия в ней оказываются рациональными. Выбранная философия науки становится конструкцией, на которой базируются все последующие объяснения. Должно стать возможным, руководствуясь этой философией, описать науку как процесс, подтверждающий свои принципы и развивающийся согласно своим предписаниям. В той мере, в какой это может быть проделано, наука предстает рации-

² Ср. Гилберт Райл. Понятие сознания. М., 1999. С. 316. – *Прим. ред.*

ональной в свете данной философии. Эту задачу по демонстрации того, что наука воплощает определенные методологические принципы, Лакатос называет «рациональной реконструкцией» или «внутренней историей». Например, индуктивистская методология, скорее всего, подчеркивала бы возникновение теорий из накопления наблюдений. Поэтому она сосредоточивалась бы на таких эпизодах, как, например, использование Кеплером наблюдений Тихо Браге при формулировании законов движения планет.

Однако данными средствами невозможно охватить все многообразие реальной научной практики. Поэтому Лакатос настаивает на том, что внутренняя история всегда будет требовать в качестве дополнения «внешнюю историю». Дело тут в озабоченности иррациональным остатком. Это та предметность, которую философская история передаст в ведение «внешней истории» или социологии. Так, с индуктивистской точки зрения, роль кеплеровских мистических представлений о величии солнца потребовала бы внерационального, или внешнего, объяснения.

Первая особенность данного подхода, которую необходимо отметить, заключается в том, что внутренняя история является самодостаточной и автономной. Демонстрация рационального характера научного развития оказывается самим по себе достаточным объяснением того, почему произошли данные события. Далее, рациональные реконструкции не только автономны: они обладают приоритетом по сравнению с внешней историей и социологией, которые просто закрывают брешь между рациональностью и действительностью. Эта задача не является даже определенной, до тех пор, пока внутренняя история не скажет своего слова. Таким образом:

внутренняя история является первичной, внешняя история – только вторичной, так как наиболее значимые проблемы внешней истории определяются историей внутренней. Внешняя история или обеспечивает нерациональное объяснение скорости, местоположения, избирательности и т. д. исторических событий, определенных в терминах внутренней истории, или же в случае, когда история отличается от своей рациональной реконструкции, обеспечивает эмпирическое объяснение данного различия (Lakatos (1971), p. 9).

Лакатос затем отвечает на вопрос, каким образом решить, какая философия должна определять проблематику внешней истории и социологии. Увы, для экстерналиста этот ответ также является унижительным. Дело не только в том, что его функция носит производный характер – теперь становится ясным, что лучшая философия науки, согласно Лакатосу, та, которая минимизирует его роль. Прогресс в философии науки измеряется объемом действительной истории, которая может быть описана как рациональная. Лучшей руководящей методологией будет та методология, которая ограждает от унижительного эмпирического объяснения наибольший объем действительной науки. Социолог может найти утешение только в том, что Лакатос настолько любезен, что допускает, что в науке всегда будут происходить некоторые иррациональные

события, от которых ни одна философия никогда не будет способна (да и не будет испытывать желание) избавиться. Здесь в качестве примеров Лакатос приводит отталкивающие эпизоды сталинского вмешательства в науку, например, дело Лысенко в биологии.

Все эти тонкости, однако, менее важны, чем общая структура данной позиции. Не имеет значения, как выбираются базовые принципы рациональности, или как они могут изменяться. Центральный момент состоит в том, что, будучи однажды выбраны, рациональные аспекты науки должны рассматриваться как самодвижущиеся и самообъяснимые. Эмпирические или социологические объяснения ограничиваются иррациональным.

Какое значение может иметь утверждение о том, что ничто не заставляет людей делать то, что является рациональным и правильным, или верить в это? Почему тогда такое поведение вообще имеет место? Что вызывает внутреннее и правильное функционирование интеллектуальной деятельности, если поиск причин считается оправданным только в случае неразумности и ошибки? Теория, на которой неявным образом основываются подобные идеи, является телеологическим взглядом на знание и рациональность.

Данная теория строится на предположении, согласно которому истина, рациональность и обоснованность являются естественной целью человека, а также направленностью определенных природных склонностей, которыми он наделен. Человек – рациональное животное, и он естественным образом правильно рассуждает и прокладывает путь к истине, когда она попадает в поле его зрения. Очевидно, что истинные представления не требуют специального комментария. Для них сама истинность является полным объяснением того, почему их придерживаются. С другой стороны, это самоосуществляющееся движение к истине может встретить на своем пути препятствия или отклониться от курса, и в этом случае должны быть установлены естественные причины, которые будут объяснять незнание, заблуждения, неправильное умозаключение и любую другую преграду на пути научного прогресса.

Эта теория во многом определяет смысл того, что пишется в данной области, даже если, на первый взгляд, ее трудно приписать современным мыслителям. Похоже, она вторглась даже в мышление Карла Мангейма. Несмотря на его решимость установить каузальные и симметричные принципы объяснения, мужество изменило ему, когда он подошел к таким, по видимому, автономным предметам, как математика и естественные науки. Эти колебания отразились в следующем пассаже из «Идеологии и утопии»:

Фактическая детерминация мышления может считаться доказанной только в тех областях мышления, где мы можем показать..., что процесс познания в действительности не развивается исторически в соответствии с имманентными законами, что он не проистекает только из «природы вещей» или из «чисто логических возможностей», и что он не приводится в движение посредством «внутренней

диалектики». Наоборот, на возникновение и кристаллизацию реального мышления во многих решающих точках оказывают влияние самые разнообразные экстратеоретические факторы (Mannheim (1936), p. 239).

Здесь социальные причины отождествляются с «экстратеоретическими факторами». Но куда отнести поведение, осуществляемое в соответствии с внутренней логикой теории или направляемое теоретическими факторами? Оно явно под угрозой исключения из сферы социологического объяснения, поскольку функционирует в качестве граничного принципа определения тех вещей, которые как раз требуют объяснения. Это как если бы Мангейм вдруг проникся настроениями, которые выражены в высказываниях Райла и Лакатоса и сказал себе: «Если человек делает то, что логично и продолжает двигаться в правильном направлении, нет необходимости говорить о чем-то большем». Но рассматривать определенные типы поведения в качестве непроблематичных – значит рассматривать их как естественные. В этом случае то, что естественно, развивается правильно, то есть посредством истины или в направлении к ней. Таким образом, здесь также действует телеологическая модель.

Как данная модель знания соотносится с принципами сильной программы? Понятно, что она нарушает их в нескольких важных аспектах. Она отказывается от последовательной каузальной ориентации. Причины могут быть установлены только для заблуждения. Таким образом, социология знания сводится к социологии заблуждения. К тому же, она нарушает требования симметрии и беспристрастности. К априорной оценке истинности или рациональности какого-то представления прибегают до того, как будет решено, должно ли оно полагаться в качестве самообъяснимого, или же необходима каузальная теория. Нет сомнений в том, что если телеологическая модель является истинной, то тогда сильная программа является ложной.

Кроме того, телеологическая и каузальная модели представляют собой прагматические альтернативы, которые полностью исключают друг друга. В самом деле, они суть противоположные метафизические позиции. Поэтому может показаться, что необходимо решить с самого начала, которая из них является истинной. Разве не ложна социология знания, зависящая от телеологической позиции? Разве это не должно быть установлено перед тем, как строгая программа решится сделать первый шаг? Ответ – «нет». Более целесообразно – посмотреть на вопрос с другой точки зрения. Сомнительно, что могли бы быть «a priori» приведены какие-либо решающие, независимые основания для доказательства истинности или ложности столь значительных метафизических альтернатив. Как только выдвигаются возражения и аргументы против одной из этих двух теорий, обнаруживается, что они зависят от другой теории и предполагают ее, что оставляет весь вопрос открытым. Все, что можно здесь сделать, – это проверить внутреннюю связность противостоящих

теорий, а затем выяснить, что происходит, если положить их в основу практического исследования и теоретизирования. Если об истинности этих теорий вообще может быть вынесено какое-либо решение, то только после того, как они применены на деле, но не раньше. Таким образом, социология знания не обязывает элиминировать конкурирующую позицию. Она только должна отмежеваться от нее и удостовериться, что ее собственное здание находится в состоянии логического порядка.

Таким образом, приведенные возражения против сильной программы основываются не на внутренней природе знания, но на понимании знания с позиций телеологической модели. Откажемся от этой модели и от всех сопутствующих ей различий, оценок и асимметрий. Соответствующие формы объяснения обязательны для нас, только в случае, если данная модель имеет исключительное право на внимание. Одно лишь ее существование и тот факт, что некоторые исследователи считают естественным ее использование, еще не наделяют ее доказательной силой.

В своих собственных терминах телеологическая модель является, вне всякого сомнения, полностью последовательной, и, возможно, нет никаких логических оснований, по которым кто-то должен предпочесть каузальный подход телеологически ориентированной точке зрения. Однако можно привести методологические соображения, которые могли бы повлиять на выбор в пользу сильной программы.

Если допускается, что объяснение зависит от предшествующих оценок, тогда каузальные процессы, которые, как предполагается, действуют в мире, будут отражать структуру данных оценок. Каузальные процессы будут исключать схему осознанных ошибок, выдвигая на передний план форму истины и рациональности. Природа приобретет моральное значение, подтверждая и воплощая истину и правильность. Те, кто склонны выдвигать асимметричные объяснения, получают безграничные возможности представлять в качестве естественного то, что они считают не требующим доказательств. Это лучший способ отвести чей-то взгляд от своего собственного общества, ценностей и представлений и направить его только на то, что с ними расходится.

Нет необходимости преувеличивать данное обстоятельство, так как сильная программа в определенном отношении делает в точности то же самое. Она также базируется на ценностях, например, на стремлении к особой форме всеобщности и к концепции естественного мира как морально пустого и нейтрального, то есть она также настаивает на придании природе определенной роли по отношению к морали, хотя и негативного свойства. Это означает, что она также представляет в качестве естественного то, что считает не требующим доказательства.

Однако можно заметить, что сильной программе присуща моральная нейтральность такого рода, которую мы привыкли ассоциировать с любой другой наукой. Она также стремится удовлетворять требованию все-

общности, как и другие науки. Выбор в пользу телеологической позиции был бы изменой данным ценностям и подходу эмпирической науки. Ясно, что это не те соображения, которые могли бы вынудить кого-то принять каузальную точку зрения. Для некоторых они могут послужить основаниями именно для того, чтобы отвергнуть каузальность и принять асимметричные телеологические концепции. Однако данные пункты высвечивают альтернативы выбора и показывают те ценности, которые воодушевляют тот или иной подход к знанию. С учетом указанного противостояния социология знания, сделав свой выбор, может двигаться дальше без всяких помех и задержек.

Аргумент эмпиризма

Исходное предположение, которое лежит в основании телеологической модели, заключалось в том, что любая каузальность связана с заблуждением или ограничением. Это выражает крайнюю форму асимметрии и наиболее радикальную альтернативу сильной программе, которая настаивает на симметричном характере объяснения. Но возможна критика сильной программы с менее радикальной позиции. Вместо того, чтобы любой тип каузальности связывать с заблуждением, не будет ли более правдоподобным утверждение, что некоторые причины вызывают ложные представления, в то время как другие вызывают истинные? Если затем обнаружится, что определенные типы причин систематически коррелируют с истинными и ложными представлениями соответственно, тогда появится другое основание для отрицания симметричной точки зрения сильной программы.

Рассмотрим следующую теорию: социальные влияния вносят искажения в наши представления, в то время как использование без помех наших способностей восприятия и сенсомоторного аппарата производит истинные представления. Подобная похвала опыту как источнику знания может рассматриваться как призыв индивиду полагаться в познании мира на свои собственные физические и психологические ресурсы. Это утверждение веры в силу животных способностей человека к получению знания. Если дать им функционировать без ограничений, то их естественное, но каузально определенное действие будет иметь в качестве результата знание, проверенное и испытанное в практическом взаимодействии с миром. Отказываясь от этого пути и полагаясь на сообщество [rely on one's fellow men], человек становится жертвой суеверных рассказов, мифов и спекуляций, которые в лучшем случае оказываются вторичными мнениями, а не первичным знанием. В худшем случае за ними стоят порочные мотивы вымыслов лжецов и тиранов.

Весьма знакомая картина. Это версия бэконовского предостережения от идолов рода, площади и театра. Значительная часть стандартного эмпиризма представляет собой очищенный и уточненный бэконовский

подход к знанию. Несмотря на современную моду среди философов-эмпириков избегать психологической интерпретации своих теорий, базовая точка зрения не слишком отличается от той, что была в общих чертах описана выше. Поэтому я буду без лишних усложнений ссылаться на нее просто как на эмпиризм.

Если эмпиризм прав, то опять-таки социология знания оказывается в действительности социологией заблуждения, верования или мнения, но не знания как такового. Данное заключение не настолько радикально, как то, которое вытекает из телеологической модели знания. Оно призывает к разделению труда между психологами и социологами, в рамках которого первые занимались бы действительным знанием, вторые - заблуждением. Тем не менее, все предприятие в целом оставалось бы натуралистическим и каузальным. Поэтому здесь речь не идет, как это имело место в случае телеологической модели, о конфронтации в выборе между научной перспективой и точкой зрения, которая воплощает совершенно иные ценности. Здесь битва должна развернуться полностью на собственно научной территории. Правильно ли проводится граница между истинной и заблуждением эмпирической концепцией знания? У эмпиризма имеются два недостатка, наводящие на мысль, что это не так.

Во-первых, было бы ошибкой допускать, что естественное функционирование [natural workings] биологически заданных способностей человека всегда производит знание. Они с равной естественностью производят смесь знания и заблуждения и при этом под действием одного и того же вида причин. Например, средний уровень тревожности чаще всего приводит к росту обучаемости и успешному выполнению задачи по сравнению с очень низким уровнем, но способность к выполнению задачи резко снизится, если уровень тревожности станет слишком высоким. В качестве лабораторного феномена данная закономерность носит достаточно общий характер. Определенная степень голода будет способствовать умению животного удерживать информацию о его окружении, как в случае с изучением крысами лабораторного лабиринта в ходе поиска пищи. Высокий уровень голода может приводить к упорному и успешному поиску пищи, но он же снизит естественную способность реагировать на сигналы, которые не имеют отношения к первостепенной текущей задаче. Данные примеры говорят о том, что различные каузальные условия могут, несомненно, быть связаны с различными формами истинных и ложных представлений. Однако, они не демонстрируют, что различные типы причин просто коррелируют с истинными и ложными представлениями. Прежде всего, они показывают, что было бы неправильным располагать психологические причины по одну сторону данного различия и при этом как естественным образом ведущих к истине.

Конечно, данный недостаток можно исправить. Возможно, единственное, что показывают эти контр-примеры, состоит в том, что психоло-

гические механизмы обучения имеют оптимальные границы функционирования, тогда как при выходе за их пределы они порождают ошибки. Можно утверждать, что когда эти механизмы находятся в пределах указанных границ, они способны производить знание, которое нельзя получить ни из какого другого источника. Подобная ревизия данной доктрины вполне допустима, так как она вызывает гораздо более серьезные возражения, которые должны быть рассмотрены.

Решающий момент, касающийся эмпиризма, состоит в его индивидуалистическом характере. Те аспекты знания, которыми каждый человек должен и способен сам себя обеспечить, могут быть адекватно объяснены моделью данного типа. Но какая часть человеческого знания и его наук строится на простом взаимодействии мира с животными способностями индивида? Скорее всего, очень незначительная. Важный вопрос состоит в следующем: какой анализ должен соответствовать оставшейся части? Правдоподобным будет утверждение, что психологический подход упускает из виду социальный компонент знания.

Разве индивидуальный опыт фактически не осуществляется по схемам разделяемых допущений, стандартов, целей и смыслов? Общество снабжает ими индивидуальный интеллект и обеспечивает условия, в которых они могут быть поддержаны и усилены. Если их индивидуальное восприятие неустойчиво, то существуют институты, готовые его поправить; если индивидуальный взгляд на мир начинает отклоняться, существуют механизмы, обеспечивающие надлежащую перестройку. Необходимость коммуникации способствует поддержанию в индивидуальном сознании коллективных схем мышления. Наряду с индивидуальным чувственным опытом есть нечто, что указывает за пределы этого опыта, что обеспечивает для него каркас и что придает ему более широкое значение. Оно расширяет индивидуальное сознание до сознания всеобъемлющей Реальности, до сознания того, что индивидуальный опыт есть опыт этой Реальности.

Знание, присущее обществу, характеризуется отнюдь не чувственным опытом составляющих его индивидов или суммой того, что можно назвать их «животным знанием». Это, скорее, их коллективный взгляд (или коллективные взгляды) на реальность. Так, знание, свойственное нашей культуре, как оно представлено в нашей науке, не является знанием реальности, которое какой-либо индивид способен испытать или узнать, исходя из собственного опыта. Оно – это то, о чем говорят нам наши наиболее обоснованные теории и наиболее глубокие идеи, в отличие от того, что могут сказать явления. Оно – рассказ, слагающийся из намеков и проблесков, которые, как мы думаем, открываются в наших экспериментах. Поэтому знание лучше приравнивать к Культуре, чем к Опыту.

Если принять данное значение слова «знание», тогда различие между истиной и заблуждением не тождественно различию между индивидуальным опытом (его оптимумом) и социальным влиянием. Скорее оно становится

различием внутри амальгамы опытов и социально опосредованных представлений, составляющие содержание культуры. Данное различие является различием между конкурирующими констелляциями опыта и представления. Те же самые два элемента содержатся и в истинных и ложных убеждениях, так что открывается путь для применения симметричной формы объяснения, которая апеллирует к одинаковым типам причин.

Один из способов выражения данной позиции, который может способствовать ее пониманию и признанию, состоит в следующем утверждении: то, что мы полагаем в качестве научного знания, является в значительной степени «теоретическим» знанием. В основном именно о теоретическом видении мира всякий раз идет речь, когда говорят, что ученые что-то знают. И в первую очередь именно к своим теориям должны обращаться ученые, когда их спрашивают о том, что они могут нам сказать о мире. Однако теории и теоретическое знание не являются чем-то, что дано нам в опыте. Они суть то, что наделяет опыт смыслом, повествуя о том, что лежит в основании опыта, а также связывает и объясняет его. Это не значит, что теория невосприимчива в отношении опыта. Однако теория не дана вместе с опытом, который она объясняет. Не является опыт и единственным ее обоснованием. Другие факторы, отличные от факторов физического мира, требуются для того, чтобы направлять и поддерживать данный компонент знания. Теоретический компонент знания – компонент социальный, и как таковой является необходимым элементом истины, а не знаком простого заблуждения.

Мы обсудили два главных источника оппозиции социологии знания и оба отвергли. Телеологическая модель, безусловно, выступает радикальной альтернативой социологии знания, однако, нет ни малейшего основания ее принять. Эмпирическая теория несостоятельна в качестве описания того, что люди на деле считают своим знанием. Она дает кое-какой строительный материал, но ничего не говорит о характере различных сооружений, которые человек из него возводит. Следующий шаг будет состоять в соотнесении этих двух позиций с, возможно, наиболее типичным возражением в адрес социологии знания. Таково утверждение, что социология знания является самоопровержимой формой релятивизма.

Аргумент самоопровержения

Если чьи-нибудь представления полностью каузально обусловлены, и если среди них с необходимостью присутствует компонент, обеспечиваемый обществом, то, как кажется многим критикам, такие представления неизбежно должны быть ложными. Тогда любая последовательная социологическая теория представления, по видимости, попадает в ловушку. Ибо, не обязан ли социолог признать, что его собственное мышление детерминировано и при этом отчасти детерминировано социально? Поэтому, не должен ли

социолог согласиться с тем, что степень ложности его собственных утверждений пропорциональна силе данной детерминации. Как представляется, результатом будет то, что ни одна социологическая теория не может быть всеобщей по области своего действия, иначе бы она сама в свою очередь запуталась бы в ошибках. Таким образом, сама социология знания является ложной или должна сделать исключение для научных или объективных исследований, тем самым ограничив себя социологией заблуждения. Не может существовать внутренне непротиворечивой, каузальной и всеобщей социологии знания, в особенности, социологии научного знания.

Сразу же видно, что этот аргумент находится в зависимости от одной или другой концепции знания, которые обсуждались выше, а именно от телеологической модели или от некоторой формы индивидуалистического эмпиризма. Указанный вывод следует в том и только в том случае, если данные теории являются уже доказанными. Дело в том, что подобная аргументация принимает в качестве исходного допущения их центральную идею о том, что каузальность предполагает заблуждение, отклонение или ограничение. Это допущение может быть выражено в радикальной форме (любая причинность предполагает заблуждение) или ослабленной (только социальная причинность предполагает заблуждение). Та или иная формулировка является ключевым моментом данного аргумента.

Указанные допущения несут ответственность за множество невнятных и плохо аргументированных атак на социологию знания. Большинство этих нападок не смогли прояснить предпосылки, из которых они исходили. Если бы они это сделали, то тем легче было бы показать их слабость. Их кажущаяся сила зиждилась на том обстоятельстве, что их подлинные основания скрывались или были попросту неизвестны. Вот пример рассматриваемого типа аргументации (одного из лучших по форме), который полностью проясняет определяющую ее позицию.

Грюнвальд, один из первых критиков Мангейма, прямо утверждает, что допущение социальной детерминации неизбежно приводит исследователя к ошибке. В предисловии к «Очеркам по социологии знания» Мангейма приводится следующая цитата из Грюнвальда: «Невозможно сделать ни одно значимое утверждение относительно фактической детерминации [existential determination] идей, не имея архимедовой точки, которая находилась бы по ту сторону любой фактической детерминации...» (Mannheim (1952), p. 29). Грюнвальд идет дальше, делая заключение, что любая теория, подобная мангеймовской, которая предполагает, что всякое мышление подчинено социальной детерминации, должна сама себя опровергать. «Нет необходимости в дополнительных аргументах для того, что бы со всей убедительностью показать, что данная версия социологизма является также формой скептицизма и сама себя опровергает, так как тезис, согласно которому любое мышление фактически детерминировано и не может притязать на истину, сам объявляет себя в качестве истинного» (Mannheim (1952), p. 29).

Это было бы убедительным возражением против любой теории, которая на самом деле утверждала, что фактическая детерминация влечет ложность. Но предпосылки данных теорий должны быть поставлены под вопрос, так как они являются произвольным допущением и нереалистичным требованием. Если знание зависит от внешней по отношению к обществу позиции, и если истина зависит от выхода за пределы причинной связи социальных отношений, тогда мы можем считать, что их вообще не существует.

Имеется множество других форм рассматриваемого аргумента. Одна из типичных версий, на которую следует обратить внимание, сводится к утверждению, что исследование причинной обусловленности представлений само преподносится миру как правильное и объективное. Таким образом, социолог предполагает, что объективное знание возможно и, как следствие, не всякое представление может быть социально детерминировано. Историк Лавджой (Lovejoy (1940)) говорит об этом следующим образом: «Тогда даже они с неизбежностью предполагают возможные ограничения и исключения для своих обобщений уже тем, что защищают их» (р. 18). Ограничения, которые «социологические релятивисты», как утверждается, с необходимостью предполагают, предназначены для того, чтобы дать место критериям для фактуальной истины и обоснованному умозаключению. Таким образом, данное возражение также зависит от предпосылки, что фактуальная истина и обоснованное умозаключение могли бы быть осквернены представлениями, которые детерминированы или, по крайней мере, социально детерминированы.

По причине того, что данные аргументы стали приниматься в качестве само собой разумеющихся, их формулировка стала сокращенной и шаблонной. Теперь они могут даваться в таких, например, сжатых вариантах, как следующий, предлагаемый Боттемором (Bottomore (1956)): «Если все высказывания фактуально детерминированы, и ни одно высказывание не является абсолютно истинным, тогда само данное высказывание, если оно истинно, не является абсолютно истинным, но фактуально детерминировано» (р. 52).

Допущение, согласно которому каузальность предполагает заблуждение, и на котором основаны и эти аргументы, было рассмотрено и отвергнуто. Поэтому аргументы могут быть отклонены вместе с ним. Ответ на вопрос о том, должно ли то или иное представление считаться истинным и ложным, никак не связан с ответом, на вопрос, имеет ли данное представление причину.

Аргумент будущего знания

Социальный детерминизм и исторический детерминизм – тесно связанные между собой идеи. Те, кто полагают, что существуют законы, уп-

равляющие обществами и социальными процессами, наверняка будет интересно, имеются ли также законы, управляющие их исторической последовательностью и развитием. Убеждение в том, что идеи детерминированы социальной средой, – всего лишь одна из форм мнения, согласно которому представления, в определенном смысле, относительно исторической позиции субъекта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что социология знания критиковалась теми, кто полагает, что сама идея исторических законов основывается на заблуждении и путанице. Один из таких критиков – Карл Поппер (Popper (1960)). Задачей данного раздела будет показать несостоятельность подобной критики в той мере, в какой она приложима к социологии знания.

Причина, по которой поиски [исторических] законов рассматриваются как ошибочные, состоит в том, что, если бы они могли бы быть обнаружены, это предполагало бы возможность предсказания. Социология, которая открывает законы, позволяла бы предсказывать будущие представления. В принципе, оказалось бы возможным знать, на что будет похожа физика будущего, наподобие того, как возможно предсказать будущее состояние механической системы. Если известны законы механизма и одновременно его начальное состояние и значения масс и сил, то могут быть предсказаны все будущие состояния данной системы.

Попперовское возражение против таких притязаний носит, с одной стороны, неформальный характер, с другой – формальный. С неформальной точки зрения, Поппер обращает внимание на то, что человеческое поведение и общество просто не похожи на повторяющиеся циклы в некоторых ограниченных частях природного мира. Таким образом, долгосрочные предсказания вряд ли возможны. Данное положение должно быть, безусловно, принято.

Однако суть аргумента заключается в логической точке зрения на природу познания. Невозможно, говорит Поппер, предсказать будущее знание. Причина состоит в том, что любое подобное предсказание было бы равнозначно обнаружению данного знания. Способ, каким действуют люди, зависит от того, что они знают, поэтому будущее поведение будет зависеть от непредсказуемого знания, и само также будет непредсказуемо. Как представляется, данный аргумент зависит от особого свойства знания и сводится к разрыву между естественными и социальными науками в той мере, в какой они осмеливаются касаться человека как человека *познающего*. Это предполагает, что устремление строгой программы с ее поиском причин и законов неверно направлено, и ей надо ограничиться более скромными эмпирическими задачами. Возможно, социология знания должна опять ограничить себя всего лишь хроникой заблуждений или каталогизацией внешних обстоятельств, способствующих или препятствующих науке.

Фактически, позиция, которую занимает Поппер, является корректной, хотя и тривиальной. Будучи правильно понятой, она просто подчер-

квивает сходства, а не различия между социальными и естественными науками. Рассмотрим следующий аргумент, который движется в том же направлении, что и аргумент Поппера, но в случае правильности доказывал бы, что физический мир непредсказуем. Этот аргумент активизирует наши критические способности. Аргумент состоит в следующем: невозможно делать предсказания в физике, которая использует или отсылает к физическим процессам, о которых мы ничего не знаем. Однако положение дел в физическом мире будет частично определяться действием этих неизвестных факторов. Поэтому физический мир непредсказуем.

Απόδειξη ότι, αόρατο άυ άαεί οοί άί ςθααί έά, ÷οί άνα ύοί άί έαϕύ άααο ί ά ί άί δάάñέαϕοάί ί ñού ί δέ δί άύ, ά έεø ü οί, ÷οί ί άø έ ί δάάñέαϕάί έ ύ αόαοδ ÷άñοί ί άί δαάέεüí ü ί έ. Í άø έ ί δάάñέαϕάί έ ύ αόαοδ ί ί δί άάδái οδú, ί ί ñέί έüέó ί ί έ ί ά ί ί άοδ ί δέί ύοú ά δάñ-άδ δάέά-άái οί ú ά όάέοú, ί έί οί δú ο ί ú ί έ-άái ί ά ϑί άái – άάαά οί άί, ÷οί ί ί έ ί οί ί ñύοñý έ ñόδè άάέά. Ό ÷ί ί δάέί έ αά ί δάαδ ί ί αάδ άύ οü άái ί ά δδ-άοί άί δέ ί δέ ά έ ñοί δέ ÷άñέεó ϕάέί ί ί ά. Í ά ñάί ί ί άάέά Í ί ί ί άδ ί δάά-έάάάαδ έί αόέδè άί ú έ δδáoί άί δ, έί οί δú έ άαϕέ δόάδñý ί ά έ ñοί δέ έ ί ά-ø άái ί άάάάñόάά έ ί αόά÷. Άñά, ί ά ÷οί ί ί οέαϕύ άααδ, ϕάέεþ ÷άαδñý ά οί ί, ÷οί ί άø έ έñοί δέ ÷άñέεά έ ñí öέί έί άέ ÷άñέεά ί δάάñέαϕάί έ ύ αό-άοδ, έάέ ί δαάέέί, έί αέí ü ί έ. Í δέ ÷έί ά ύοί άί ί δαάέεüí ί ί ί δάάάέύαδ-ñý Í ί ί ί άδί ί : αόάοú έ ά άάέñόάέý έþ άάέ άñάάά αόάοδ ϕάάέ ñάδú ί δ άάú άέ, έί οί δú ά ί ί έ αόάοδ ϑί άδú, ί ί έί οί δú ά ί άί ñάέ ÷άñ ί άέϕάñδ-ί ú, έ ί ί ύοί ί ο ί ά ί ί άοδ άύ οü ί δέί ύοú ί άί έ ά δάñ-άδ, έί άάά ί ú άά-έάái ί δάάñέαϕάί έά. Άάδί ú έ άú άί ά, έί οί δú έ ί δñþ άά ñέάάοαδ άέý ñí öέάέüí ú ο ί αόέ, ñí ñοί έδ ά οί ί, ÷οί ί ú άάάά έέ ί δάοñί άái ά ί δάά-ñέαϕάί έέ ί ί άάάái έý έ ί δάάñδάάέái έέ άδóάέó, άñέέ ί ú ί ά ϑί άái, ί ί έδάέί άέ ί άδά, ñοί έüέί αά ί ά έó ñέδóάöέέ, ÷οί έ ί ί έ. Ά ύοί ί ί άδ ί έ ÷άái δάέί άί, ÷οί ί άø άέί άú ñí öέί έί άó ϑί άί έý δαϕάέ άαδú άέί ί δά-δè ÷άñέεά δái δέ έ ί ά ί ñí ί άά έί ί έδáoί ú ο ñí öέί έί άέ ÷άñέεó έ ññέάái -άái έέ, έί οί δú ά ί ί ñέέέ άú έ ñοί δέ ÷άñέέέ έ ý ί έ δέ ÷άñέέέ οάδάέ-δάδ, έ ί δί άάδýδú έó ά οί άά άάέüí άέø έó έϕύ ñέái έέ. Í άδái έ ÷ái -ί ί ñοú ϑί άί έý έ άί έüø ί έ ί δí ñοί δ άέý ί ø έάί έ άάδái δέ δóþ δ, ÷οί ί δάάñέαϕάί έý ί ί άί έüø άέ ÷άñδè αόάοδ έί αέí ü ί έ. Ñ άδóái έ ñοί δί -ί ú, οί δέ όάέδ, ÷οί ñí öέάέüí άý αέϑί ü ϕάάέ ñέδ ί δέ δάάóέýδί ί ñδè έ ί ί -δýάέά, άάαδ ί ñí ί άái έά άέý ί άάάάάú, ÷οί ί άέί οί δú έ ί δί άδáññ άñά αά άί ϑί ί αάί. Ñοί έδ ί άί ί ί έδú, ÷οί ñάί Í ί ί ί άδ δάññί άδδè άάέ ί ά-όέό έάέ άάñέί ί ά ÷ί óþ άάδái έöó ί δάάδái οδú ο άέί ί δάϕ. Όάέ έάέ άái -

í ày òí ÷èà çðáí èy í á èì àèà òàèùþ çàì óààòü ó÷áí ú õ-ãñòãñòãáí í èéí â (àà è í á í ðáóñí àèà â ýòí), í àò ì ðè ÷èí , í í ÷áì ó í í à áí èæáí à í ðáá-ñòàáàòü â í í áí áí í ñáàòá, éí ääà áá í ðèì áí ýþ ò è ñí òèàèùí ùì í à-óéàì . È ýòí í áñí í ððý í à òí ò ñí í ñí á, éí òí ðü é áú è áú áðáí Í í í á-ðí ì äëý áá í ðááñòààèáí èý.

Í áí àèí áí ñè õ í í ðí í æí í ãñòðáòèòü ñèááóþ ù áá áí çðàæáí èá: ðàçáá ñí òèàèùí ú é ì èð í á í ðááñòààòü í áðáá í àì è áñááí èèø ù á ðáí -ááí òèýð è í áú è õ í áí ðááèáí í í ñòýð ðàçáèòèý, à í á á í í äèè í ú õ çà-éí í í í áí áí ú õ ðááóèýðí í ñòýð í ðè ðí áí í áí ì èðà? Èí í á÷í í , í áú è á í áí ðááèáí í í ñè è ðáí ááí òèè – ýòí í ðí ñòí ñèó÷áéí ú á è í í ááðóí í -ñòí ú á òá÷áí èý, à í á áí ñòí ááðí ú á í áí áóí àèì í ñè, áí óððáí í á í ðèñó-ù è á ó áí í í áí àì . Í òáàò í à óèàçáí í ú é áí í ðí ñ çàèèþ ÷ááðñý á òí ì , ÷òí ááí í í á ðàçèè÷è è á éí æí í . Áí çüì áí äàèæáí è á í èáí àò í í í ðáèòàì , éí -òí ðí á í áú ÷í í ñèì áí èèçèðóáò çàèí í á áñí í òèè÷è á í ò ðáí ááí òèè . Á ááèñòàèòàèùí í ñè è æá Ñí éí á÷í ày ñèñòáí à – ýòí í á áí èáá, ÷áí òè-çè÷è÷èáèy ðáí ááí òèý . Í í à áí ñí ðí èçáí àèòñý áí áðáí áí è, í í òí ò ó ÷òí í è÷òí áá í á ðàçðø ááò . Áú éí áðáí ý, éí ääà í í á í á ñòú áñòáí áàèà, è èááèí áí í áðàçèòü, èàèèì í áðàçí ì í í à í í æà áú áú òü ðàçðø áí à: í í áèèçí ñè è ì í æí áú í ðí éòè ì áññèáí í á ãðáàèòèðóþ ù áá òáèí è èè í ðí èçí ø áè áú áçðü á Ñí éí òà . Óóí ááí áí òàèùí ú á çàèí í ú í ðè ðí áú í á òðááóþ ò ýèèè òè÷èñí áí äàèæáí èý í èáí àò . Òáè ñèó÷èí ñü, ÷òí í èáí àòü áàèááþ ðñý í í í ðáèòàì áí èðóá Ñí éí òà á ñèéó òñèí áèè è õ í ðí èñòí æááí èý è ó í ðí èðí ááí èý . Í í á÷èí ýññü ðáí æá çàèí í àì áðá-áèòàèèè, è õ òðááèòí ðè è ì í æè áú áú òü ñí ááðø áí í í äðóáèì è . Ýí -í èðè÷èñí é í í ááðóí í ñòüþ í ðè ðí áí í áí ì èðà óí ðááèýþ ò ðáí ááí òèè . Ááí í ú á ðáí ááí òèè òðáí ñó í ðí èðóþ ðñý èç-çà í í áñí óáí í áí í ðí òèáí -áí ðñòáà èáæàù è õ á è õ í ñí í ááí è è çàèí í í á, òñèí áè é è ñèó÷áéí í ñòáé . Í àø í áó÷í ú é ðàçóí í áí ðááèáí í à áú ýáèáí è á çàèí í í á, éí òí ðü á, èáè ì ú ñèèí í í ú óðááðæáàòü, í àóí äýòñý «í í òó ñòí ðí í ó» í ááèþ áááí í áí í í éí æáí èý ááú áé . Í ðí òèáí í í ñòááèáí è á í ðè ðí áí í áí è ñí òèàèùí í áí ì èðí á, í à éí òí ðí ì áàçèðóáðñý ááí í í á áí çðàæáí èá, í á ì í ááò ñòàòü í ñí í ááí èáì äëý ñðááí áí èý í áóé . Í í í ñí í í ñòááèýáò çàèí í ú , èáæà-ù è á á í ñí í ááí è è òèçè÷èñí è õ ðáí ááí òèè, ñ ÷èñòí ýí í èðè÷èñí é í í -ááðóí í ñòüþ ñí òèàèùí ú õ ðáí ááí òèè .

Интересно отметить, что первоначально слово «планета» означало «странник». Планеты привлекали внимание именно потому, что не согла-

совывались с общими тенденциями, наблюдаемыми на ночном небе. Куновское исследование по истории астрономии «Коперниканская революция» (Kuhn (1957)) демонстрирует, как трудно найти регулярности, скрытые под тенденциями. Имеются ли какие-либо лежащие в основании [социальных тенденций] социальные законы – это вопрос эмпирического исследования, а не философских дебатов. Кто знает, какие блуждающие, бесцельные социальные феномены превратятся в символы законоподобных регулярностей? Законы, которые все-таки появляются, могут и не управлять значительными историческими тенденциями, так как последние, возможно, являются сложными смесями, как и все прочее в природе. Законоподобные аспекты социального мира будут иметь отношения к факторам и процессам, соединение которых производит эмпирически наблюдаемые эффекты. Блестящее антропологическое исследование профессора Мэри Дуглас «Природные символы» (Douglas (1970)) показывает, как могут выглядеть данные законы. Данные неполны, ее теории продолжают развиваться, как любая научная работа они носят предварительный характер, но модели уже различимы.

Для того, чтобы спустить дискуссию о законах и предсказаниях с неба на землю, полезно, видимо, привести в заключение один пример. Это продемонстрирует тот тип закона, который социологии науки в действительности ищут. Это также позволит прояснить абстрактную терминологию «закона» и «теории», которая не имеет широкого практического применения в работе социолога или историка науки.

Процедура поиска законов в социологии науки ни чем не отличается от таковой в других науках. Это означает, что должны быть пройдены следующие этапы. Эмпирическое исследование определяет типичные и периодически повторяющиеся события. Само оно, скорее всего, инициируется предшествующей теорией, нарушением невыраженных ожиданий или практическими потребностями. Затем должна быть создана теория, объясняющая эмпирические регулярности. Данная теория формулирует всеобщий принцип или создаст модель для объяснения фактов. Тем самым она предоставит язык, на котором о них можно говорить, и, возможно, обострит восприятие самих фактов. Уже после того, как были предприняты первые попытки сформулировать приблизительные объяснения регулярности, оказывается возможным более четкое обозрение области ее действия. Например, теория или модель могут объяснить не только, почему эмпирическая регулярность имеет место, но и почему она иногда не реализуется. Теория действует как ориентир, отсылающий к условиям, от которых зависит регулярность, и, тем самым, к причинам отклонений и вариаций. Поэтому теория может служить источником более детализированных эмпирических исследований, которые в свою очередь могут потребовать дальнейшей теоретической работы, а именно: отрицания предшествующей теории или ее модификации и уточнения.

Все эти шаги могут быть лучше поняты благодаря следующему примеру. Часто отмечалось, что споры о приоритете открытия – общая черта науки. Известен знаменитый спор между Ньютоном и Лейбницем об открытии [дифференциального и интегрального] исчисления, была горечь взаимных обид в связи открытием закона сохранения энергии. Кавендиш, Уатт и Лавуазье были вовлечены в спор о химическом составе воды. Биолог Пастер, медик Листер, математик Гаусс, физики Фарадей и Дэви – все они были вовлечены в споры о приоритете. В приближении соответствующее обобщение может быть сформулировано следующим образом: открытия вызывают споры о приоритете.

Вполне возможно проигнорировать это эмпирическое наблюдение и заявить, что оно не относится к истинной природе науки. Можно сказать, что наука как таковая развивается в соответствии с внутренней логикой научного исследования, и подобные споры суть просто недоразумение, сбой, психологическое вторжение в область действия рациональных процедур. Однако, натуралистический подход просто берет факты, как они есть, и придумывает теорию для их объяснения. Одна из теорий, предложенных для объяснения споров о приоритете, рассматривает науку как функционирующую посредством системы обменов. «Вклады» обмениваются на «признание» и статус – отсюда все законы, названные именем открывшего их ученого, например, закон Ома или закон Бойля. Значимость и редкость признания является причиной того, что за него будет вестись борьба, и, как следствие, будут иметь место споры о приоритете (Merton (1957), Storer (1966)). Далее возникает вопрос, почему не является очевидным, кто сделал конкретный вклад: почему в данной связи спор вообще возможен? Частичный ответ на этот вопрос состоит в том, что наука в значительной степени зависит от обнародованного в печати и признанного другими знания. Некоторое число ученых зачастую находятся в позиции, которая позволяет делать похожие шаги. Во-первых, конкуренция будет острее между примерно равными. Во-вторых, и это более существенный факт, открытия предполагают нечто большее, чем просто эмпирические находки. Они включают вопросы теоретической интерпретации и переинтерпретации. Изменяющийся смысл эмпирических результатов определяет обширные возможности для неверных толкований и описаний.

Открытие кислорода служит иллюстрацией такого рода перипетий (Toulmin, 1957). Имя Пристли часто связывают с открытием кислорода, однако сам Пристли смотрел на дело иначе. Для него новый газ, который он выделил, был дефлогистированным воздухом. Это была субстанция, тесно связанная с процессами горения, понятыми в терминах теории флогистона. Для того, чтобы ученые поняли, что имеют дело с газом, названным кислородом, потребовались отказ от данной теории и замена ее концепцией горения Лавуазье. Именно теоретические компоненты науки обеспечивают ученых языком, в терминах которого они воспринимают собственные

действия и действия других. Следовательно, именно те описания действий, которые вовлечены в установления авторства открытия, как раз и становятся проблематичными, когда происходят важные открытия.

Теперь, наверное, возможно предложить ответ на вопрос, почему некоторые открытия вызывают меньше споров о приоритете, чем другие. Первоначальное эмпирическое обобщение допускает уточнение. Однако такое уточнение не будет простым или произвольным ограничением объема обобщения. Скорее, оно примет форму различия между типами открытий, которое вытекает из вышеприведенных соображений относительно теории обмена. Это позволяет уточнить формулировку следующего эмпирического закона: во время теоретических изменений открытия вызывают споры о приоритете, во время теоретической стабильности – нет.

Естественно, дело этим не ограничивается. Во-первых, уточненная версия закона должна быть проверена на эмпирическую возможность. Это, конечно, предполагает проверку предсказаний, касающихся представлений и поведения ученых. Во-вторых, необходима разработка другой теории, которая придавала бы смысл новому закону. Здесь нет необходимости вдаваться в дальнейшие детали. Тем не менее, можно отметить, что теория, выполняющая данную задачу, уже была сформулирована Т. С. Куном в его работах «Историческая структура научного открытия» (Kuhn (1962a)) и «Структура научных революций» (Kuhn (1962b)).

Сейчас речь не о том, какая теория правильна: модель обмена или же куновская концепция науки. Дело в общем способе, каким соотносятся эмпирические данные и теоретические модели, каким образом они взаимодействуют и развиваются. Суть в том, что здесь, в рамках социологии знания, с ними все обстоит так, как и в любой другой науке.

Перевод с английского С. Гавриленко под ред. А. Толстова

Литература

- Ben-David, J. *The Scientist's Role in Society*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1971.
- Bottomore, T. B. «Some Reflections on the Sociology of Knowledge». In *British Journal of Sociology* 7, no. 1 (1956): 52–58.
- Burchfield, J. D. *Lord Kelvin and the Age of the Earth*. London: Macmillan, 1975.
- Cardwell, D. S. L. *From Watt to Clausius*. London: Heinemann, 1971.
- DeGré, G. *Science as a Social Institution*. New York: Random House, 1967.
- Douglas, Mary. *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Douglas, Mary. *Natural Symbols*. London: Barne & Jenkins, 1970.
- Durkheim, E. *The Rules of Sociological Method*, 8th Edition. Trans. S. A. Solowayand, J. H. Mueller. New York: The Free Press, 1938.

- Forman, P. «Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment». In *Historical Studies in the Physical Sciences*, vol. 3, edited by R. McCormach, 1-115. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.
- Hamlyn, D. W. *The Psychology of Perception*. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.
- Kuhn T. S. *The Copernican Revolution*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.
- Kuhn T. S. «Energy Conservation as an Example of Simultaneous Discovery». In *Critical Problems in the History of Science*, edited by M. Clagett. Madison: University of Wisconsin Press, 1959.
- Kuhn T. S. «The Historical Structure of Scientific Discovery». *Science* 136 (1962a): 760-64.
- Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962b.
- Lakatos I. «History of Science and Its Rational Reconstructions». In *Boston Studies*, v. 8, edited by R. C. Buck and R. S. Cohen. Dordrecht: Reidel, 1971.
- Lovejoy, A. O. «Reflections on the History of Ideas», In *Journal of the History of Ideas* 1, no. 1 (1940): 3-23.
- Mannheim, K. *Ideology and Utopia*. Trans. with an introduction by L. Wirth and E. Shils. London: Routledge & Kegan Paul, 1936.
- Mannheim, K. *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1952.
- Merton, R. K. «Priorities in Scientific Discoveries». In *American Sociological Review* 11, no. 6 (1957) 635-59.
- Merton, R. K. *Social Theory and Social Structure*. London: Collier-Macmillan, 1964.
- Peters, R. S. *The Concept of Motivation*. London: Routledge & Kegan Paul, 1958.
- Popper, K. R. *The Poverty of Historicism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1960.
- Popper, K. R. *The Open Society and Its Enemies*, vol. 2. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Rudwick, M. J. S. *The Meaning of Fossils*. London: Macdonald, 1972.
- Ryle G. *The Concept of Mind*. London: Hutchinson, 1949.
- Stark W. *The Sociology of Knowledge* London: Routledge & Kegan Paul, 1958.
- Storer, N. W. *The Social System of Science*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966.
- Toulmin, S. «Crucial Experiments Priestley and Lavoisier». *Journal of the History of Ideas* 18 (1957): 205-20.
- Znaniecki F. *The Social Role of the Man of Knowledge*. New York: Octagon Books, 1965.